

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	❖	9
ГЛАВА 1	❖	Шляпа миссис Лавсток ❖ 17
ГЛАВА 2	❖	Мечь мисс Крамли ❖ 32
ГЛАВА 3	❖	Король и королевы французские ❖ 46
ГЛАВА 4	❖	Графиня Кембриджского водопада ❖ 58
ГЛАВА 5	❖	Доктор Станислаус Пим ❖ 79
ГЛАВА 6	❖	Черная страница ❖ 93
ГЛАВА 7	❖	Гости Графини ❖ 110
ГЛАВА 8	❖	Волки ❖ 133
ГЛАВА 9	❖	Габриэль ❖ 165
ГЛАВА 10	❖	Лабиринт ❖ 189
ГЛАВА 11	❖	Узник камеры 47 ❖ 200
ГЛАВА 12	❖	Завтрак на ужин ❖ 224
ГЛАВА 13	❖	Хэмиш ❖ 251
ГЛАВА 14	❖	Бабушка Пит ❖ 270
ГЛАВА 15	❖	В Мертвый город ❖ 282

- ГЛАВА 16 ❖ Черное озеро ❖ 296
ГЛАВА 17 ❖ В Хранилище ❖ 310
ГЛАВА 18 ❖ Ворон ❖ 320
ГЛАВА 19 ❖ Битва в Мертвом городе ❖ 325
ГЛАВА 20 ❖ Видение Кейт ❖ 358
ГЛАВА 21 ❖ Дьявольская сделка ❖ 381
ГЛАВА 22 ❖ Грозный Магнус ❖ 408
ГЛАВА 23 ❖ Дети Кембриджского водопада ❖ 432
ГЛАВА 24 ❖ Ракотис ❖ 451
ГЛАВА 25 ❖ Духи рождественского прошлого ❖ 466

Моим родителям

Пролог

Девочку растормошили. Над ней склонилась мать.

— Кейт, — тихо и настойчиво зашептала она, — послушай меня внимательно. Ты должна кое-что для меня сделать. Я прошу тебя сберечь брата и сестру. Ты поняла? Я прошу тебя сберечь Майкла и Эмму.

— Что?..

— Нет времени объяснять! Пообещай мне, что позаботишься о них.

— Но...

— Кейт, умоляю! Просто пообещай!

— Я... я обещаю.

Это случилось в сочельник. Целый день шел снег. Кейт как самой старшей в этот вечер разрешили лечь спать позже брата с сестрой. Это означало, что даже после того, как разошлись последние певцы, распевавшие святочные гимны, Кейт все еще сидела с родите-

лями у камина, пила горячий шоколад, смотрела, как папа с мамой обмениваются подарками — дети должны были получить свои только утром — и чувствовала себя очень взрослой для своих четырех лет. Мама подарила папе маленькую толстую книжку, с виду очень старую и потрепанную, но страшно обрадовавшую папу, а он вручил маме медальон на золотой цепочке. В медальоне была крошечная фотография детей — Кейт, двухлетнего Майкла и маленькой Эммы. Потом, наконец, пришло время отправляться в кровать, и Кейт еще полежала в темноте, счастливая и разомлевшая под теплым одеялом, гадая, сможет ли она когда-нибудь уснуть, и тут ее вдруг резко разбудили.

Дверь в ее комнату была распахнута, и в свете, падавшем из коридора, Кейт увидела, как ее мама быстро подняла руки и расстегнула цепочку с медальоном. Наклонившись над постелью, она приподняла Кейт и защелкнула украшение у нее на шее. Девочка вдохнула запах имбирных пряников, которые мама пекла накануне, почувствовала щекочущее прикосновение ее волос, а потом что-то мокрое капнуло ей на щеку, и Кейт поняла, что мама плачет.

— Помни, что мы с папой очень вас любим. И мы обязательно снова будем вместе. Обещаю.

Сердце быстро-быстро заколотилось в груди у Кейт, она открыла рот, приготовившись спросить, что происходит, но тут в дверях появился незнакомый мужчина. Он стоял спиной к свету, поэтому Кейт не могла видеть его лица, однако запомнила, что незнакомец был высоким и худым, в длинном пальто и чем-то, похожем на очень мятую шляпу.

— Пора, — сказал он.

С тех пор этот голос и образ — высокий мужской силуэт на фоне освещенного дверного проема — будут много лет подряд преследовать Кейт, ибо это был последний раз, когда она видела свою мать и когда ее семья была вместе. Затем мужчина произнес что-то неразборчивое, и словно тяжелый занавес задернулся в голове у Кейт, скрыв стоявшего в дверях мужчину, свет, маму и все остальное.

Завернув уснувшую девочку в одеяло, женщина взяла ее на руки, спустилась по лестнице следом за мужчиной и, пройдя мимо гостиной, где в камине еще не погас огонь, вышла из дома в холод и тьму.

Если бы девочка не уснула, она непременно увидела бы, что ее отец стоит на снегу рядом со старой черной машиной, держа на руках ее спящих брата и сестру, так же завернутых в теплые одеяла. Высокий мужчина открыл заднюю дверцу машины, и отец положил свою ношу на сиденье, потом обернулся, взял Кейт из рук жены и бережно пристроил девочку рядом с сестрой и братом. Высокий мужчина с тихим хлопком закрыл дверцу.

— Ты уверен? — спросила женщина. — Ты уверен, что это единственный выход?

Высокий мужчина шагнул в свет уличного фонаря и впервые за все это время стал хорошо виден. К слову сказать, случайному прохожему его внешность вряд ли внушила бы доверие. Пальто загадочного незнакомца было все в заплатках и с бахромой на манжетах, на его старом твидовом костюме недоставало пуговицы, белую рубашку пятнали кляксы от чернил и табака, а

галстук — пожалуй, самая странная деталь всего костюма — был завязан не одним, а сразу двумя узлами, словно одевавшийся не был точно уверен, справился ли он с этим элементом туалета, и вместо того, чтобы посмотреть и проверить, просто завязал его еще разок, для верности. Длинные седые космы торчали из-под шляпы старика, а его брови огромными белоснежными рогами топорщились надо лбом, свисая на гнутые-перегнутые и чиненые-перечиненые очки в черепаховой оправе. Проще говоря, вид у загадочного посетителя был такой, словно он одевался в разгар урагана, но, решив, будто все еще выглядит излишне респектабельно, скатился кубарем с лестницы.

Но стоило вам заглянуть ему в глаза, как все менялось.

Этим глазам не нужно было внешнее освещение, чтобы ярко сиять в темной заснеженной ночи, а смотрели они с такой необычайной энергией, добротой и пониманием, что заставляли забыть и о запятнанной табаком и чернилами рубашке, и о заклеенных очках, и даже о дважды завязанном галстуке. Ибо, посмотрев в эти глаза, вы ощутили бы присутствие подлинной мудрости.

— Друзья мои, мы всегда знали, что этот день когда-нибудь настанет.

— Но что изменилось? — спросил отец детей. — После Кембриджского водопада все было спокойно! А это было пять лет тому назад! Что-то же должно было произойти?

Старик вздохнул.

— Сегодня вечером я отправился на встречу с Девонем Мак-Клеем.

— Но он не... он не может...

Пролог

— Боюсь, что да. И поскольку мы не можем знать, что он открыл им перед смертью, приходится предполагать самое худшее. Мы должны исходить из того, что он рассказал им о детях.

Очень долго все молчали. Затем женщина разрыдалась в голос:

— Я сказала Кейт, что мы снова будем вместе. Я солгала ей.

— Дорогая...

— Он не успокоится, пока не найдет их! Они никогда не будут в безопасности!

— Ты права, — очень тихо сказал старик. — Он не успокоится.

По-видимому, никому из присутствующих не требовалось пояснять, кто такой этот «он».

— Но есть один выход. И мы всегда о нем знали. Нужно позволить детям вырасти. Исполнить свое предназначение... — Старик вдруг резко замолчал.

Мужчина и женщина обернулись. Три темные фигуры стояли в конце квартала и в упор смотрели на них. На улице вдруг стало очень тихо, даже снежинки, казалось, зависли в воздухе.

— Они уже здесь, — сказал старик. — Они выслеживают детей. Исчезните. Я разыщу вас.

Не дожидаясь ответа родителей, старик распахнул переднюю дверцу машины и сел за руль. Три фигуры молча шагнули вперед. Когда мотор сипло раскашлялся, мужчина и женщина попятнулись обратно в дом. Несколько мгновений колеса беспомощно прокручивались в снегу, но потом все-таки сцепились с мостовой, и машина рванула с места. Фигуры бросились бежать, в мгновение ока они

очутились возле мужчины и женщины, но даже не посмотрели в их сторону: их интересовала только машина, буксовавшая и скользившая по заснеженной улице.

Седовласый старик вел автомобиль, вцепившись обеими руками в руль. К счастью, время было позднее, а из-за снегопада и сочельника на дороге совсем не было машин, которые могли бы замедлить продвижение. Но как быстро ни мчался автомобиль, темные фигуры неумолимо приближались. Они бежали с бесшумной призрачной грацией, каждым шагом покрывая дюжину ярдов, черные крылья пальто зловеще развевались за их спинами. Свернув за угол, машина с разбега врезалась в припаркованный фургон, и две фигуры, высоко подпрыгнув, уцепились за стены домов, стоявших вдоль улицы. Покосившись в зеркало, старик увидел, что его преследователи, словно ожившие горгульи, ползут по фасадам зданий.

В его глазах не промелькнуло ни тени изумления, он лишь молча вдавил в пол педаль газа.

Машина помчалась через площадь, на полной скорости пролетев мимо толпы прихожан, выходящих из церкви. Старик ехал в старую часть города, и вскоре его автомобиль запрыгал на мощенных булыжником улочках. Дети безмятежно спали на заднем сиденье. Одна из темных фигур спрыгнула со стены богатого особняка и с тяжелым стуком шлепнулась на машину. В следующее мгновение бледная рука просунулась сквозь крышу и принялась рвать металлическую обшивку. Второй преследователь ухватился за машину сзади и с силой уперся каблуками в мостовую, оставляя глубокие борозды в вековых камнях.

— Еще немножко, — пробормотал старик. — Совсем немножко.

Они въехали в белый от снега и совершенно пустынный парк, и машина покатила по замерзшей земле. Впереди показалась темная полоса реки. Дальше одновременно произошло следующее: старик дал полный газ; последний преследователь схватился за дверь; крыша прорвалась, впустив внутрь поток холодного воздуха, и единственное, что осталось прежним, — это дети, мирно сопевшие на заднем сиденье. В следующее мгновение машина сорвалась с невысокого берега и полетела над рекой.

Но она не коснулась воды. В самый последний момент машина просто исчезла, а три темные фигуры, размахивая руками и ногами, с шумом плюхнулись в реку.

Мгновение спустя и в двухстах милях севернее черная машина без единой царапины на кузове остановилась перед большим серым каменным зданием. Видимо, ее здесь ждали, ибо низенькая женщина в черных одеждах уже бежала по лестнице навстречу гостям.

Старик и женщина вытащили детей из машины и внесли их внутрь. Поднявшись на верхний этаж, они прошли по длинному коридору, украшенному мишурой и рождественскими гирляндами. Они миновали несколько комнат, в которых спали дети. Затем подошли к последней двери. В этой комнате было совсем пусто, если не считать двух кроваток и колыбельки.

Монахиня, ибо невысокую женщину звали сестра Агата, внесла в комнату мальчика и маленькую девочку. Она уложила мальчика в кровать, а его сестру в колыбельку. Никто из детей даже не шелохнулся. Старик

опустил Кейт на соседнюю кровать. Укрыл ее одеялом до подбородка.

— Бедные крошки, — сказала сестра Агата.

— Да. Подумать только, как много от них зависит.

— Ты уверен, что здесь они будут в безопасности?

— Насколько это вообще для них возможно. Он будет охотиться за ними. Это несомненно. Но теперь только мы с тобой знаем, где они.

— Как мне их назвать? Им нужна новая фамилия.

— Как насчет... — Старик на мгновение задумался. — П?

— Просто П?

— Просто П.

— Но как быть со старшей девочкой? Она-то помнит свое имя!

— Я позабочусь о том, чтобы она его забыла.

— Ах, просто не верится, что это все-таки случилось, просто не верится... — Сестра Агата посмотрела на своего сообщника. — Ты не останешься с нами ненадолго? Я растопила камин внизу, и монастырский эль у меня еще остался. В конце концов, сегодня Рождество.

— Трудно устоять. Но к сожалению, я должен как можно скорее вернуться за их родителями.

— Ах, вот горе-то какое, значит, это все-таки началось, — вздохнула женщина, засеменив в коридор.

Старик направился к двери следом за ней, но у порога остановился и оглянулся на спящих детей. Потом поднял руку, словно в благословении, прошептал: «До встречи», — и вышел из комнаты.

Трое детей спокойно спали, не подозревая о новой жизни, которая ждала их после пробуждения.

ГЛАВА 1

Шляпа миссис Лавсток

Шляпа, о которой пойдет речь, принадлежала миссис Констанс Лавсток. Миссис Лавсток была дамой средних лет, обремененной благими намерениями и отсутствием детей. Она не принадлежала к числу женщин, готовых довольствоваться полумерами. Взять хотя бы ее страсть к лебедям. Миссис Лавсток безоговорочно считала их самыми красивыми и грациозными созданиями во всем мире.

— Столь грациозны, — говорила она, — столь элегантны.

Подъезжая к ее большому и роскошному дому в пригороде Балтимора, путник первым делом видел живую изгородь, подстриженную в виде лебедей. Следом шли статуи взлетающих лебедей. Фонтаны, в которых мама-лебедиха поливала водой птенцов-лебе-

дят. Купальня в форме лебедя, в которой удостаивались чести купаться менее почтенные птицы. И разумеется, сами лебеди, скользвившие по окружавшим дом прудам или лениво переваливавшиеся — к сожалению, с гораздо меньшим изяществом, чем можно было бы от них ожидать, — мимо огромных окон первого этажа.

— Я ничего не делаю наполовину, — с гордостью говорила миссис Лавсток.

И вот однажды вечером в начале декабря, сидя у камина рядом со своим мужем, мистером Лавстоком, который, к слову сказать, каждое лето проводил каникулы отдельно от жены, говоря, что уезжает собирать жуков, а сам охотился на лебедей в одном частном заповеднике во Флориде, где с сатанинской ухмылкой на лице расстреливал несчастных птиц практически в упор, — миссис Лавсток выпрямилась на диванчике в виде лебедя, отложила вязание и громко объявила:

— Джеральд, я решила усыновить несколько ребятишек.

Мистер Лавсток вынул изо рта трубку и издал задумчивый звук. Он отлично слышал, что сказала жена. Не «ребенка», а «несколько ребятишек». Однако за долгие годы супружества он убедился в бесполезности прямой конфронтации с женой. Поэтому мистер Лавсток решил, что добьется больших успехов мудрым сочетанием лести и безразличия.

— Что ж, душечка, это грандиозная мысль. Ты будешь потрясающей матерью. Конечно, давай усыновим ребенка.

Но миссис Лавсток сердито поцокала языком.